

Новое о происхождении названия «Камчатка»

Вопрос о происхождении названия «Камчатка» до сих пор остается загадкой. Утвердившееся мнение известного историка доктора исторических наук Б. П. Полевого о том, что полуостров назван по имени казака Ивана Камчатого, вызывает много возражений у историков и краеведов. Кстати, и сам Б. П. Полевой отмечал, что пока неизвестны подробности походов И. Камчатого на полуостров. Заметим, неизвестны не только подробности, но и нет никакого документального подтверждения, что такие походы Камчатого в 50-60 гг. XVII в. на реку в центре полуострова состоялись. Более того, факты говорят об обратном. «Летом 1660 г., – пишет Полевой – Чюкичева с товарищами видели на реке Пенжине» (2, с. 123).

После этого никаких известий о них не было. Позже, в донесении колымского приказного В. Катаева говорилось: «... с Блудной реки он, Федька (Чюкичев), ныне в 169 (1661)-м году летом не выплыл...». Посланные на поиски юкагиры сообщили: «служилые люди, убиты все, зимовье стоит пусто, а тела мертвые лежат на улице...» (2, с.123). Блудная – это река Омолон на Колыме. Даже если допустить, что группа Чюкичева, в которой был И. Камчатой, все же побывала на р. Камчатке, то возникает вопрос, когда об этом узнали, если вся группа была убита на Омолоне? К тому же название Камчатка было известно по приговорам Якутска до 1660 г., а наименование реки по имени казака при его жизни «не имеет прецедентов в истории освоения северо-востока Азии, по крайней мере для XVII в.» (1, с. 95).

На ряд нестыковок в истолковании происхождения названия «Камчатка» и необоснованность выводов Б. П. Полевого указывалось в публикациях и краеведческого, и научного характера (Алексеев А. И. Береговая черта. Магадан, 1987. С. 40; Леонтьев В. В. Из истории происхождения названия «Камчатка» // Краеведческие записки. Вып. XVI. Магадан, 1986. С. 193, 198-199; Жилин М. Откуда у Камчатки имя? // Камч. Правда 1985, 26 мая, 2 июня; Песков В., Жилин М. Русский след. М. 1994. С. 16-30).

Новый взгляд на происхождение названия полуострова представил научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН доктор филологических наук А. А. Бурыкин из Санкт-Петербурга. Результаты исследований он изложил в своем научном труде «Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.

До сих пор топоним «Камчатка» рассматривался многими исследователями лишь с исторической точки зрения. А. А. Бурыкин впервые провел лингвистические исследования в комплексе с историческими, географическими и этнографическими источниками.

Исходными точками стали выделенные автором несколько бесспорных лингвистических фактов, связанных с происхождением топонима «Камчатка». Что это за факты и о чем они свидетельствуют? Обратимся к автору:

1. Сообщения С. П. Крашенинникова о том, что оленные коряки называли ительменов хончала, хончало, хотя «и сами причины тому не ведают»; «Таким образом, камчадалов называем мы по-коряцки, ибо камчадал от коряцкого хончала происходит». Данный этноним – название ительменов, бытующее у оленных коряков, существует как факт и требует к себе внимания, при этом его связь с происхождением топонима Камчатка фактически неоспорима – кроме прямых свидетельств XVIII в. на нее указывает очевидное сходство слов.

2. Очевидный факт, что название ительменов – «камчадалы» явно нерусского происхождения, так как в русском языке суффикс названий народов –дал отсутствует. Компонент –дал вычленяется в слове камчадал только по аналогии со словом Камчатка. В статье Б. П. Полевого сказано, что не вполне ясно, каким образом из названия Камчатка могли возникнуть слова «камчадал» и «камчадалка», однако в примечаниях оговорено, что эта фраза вставлена в текст статьи вопреки желанию автора, и разъяснение происхождения этнонима «камчадал» будет дано автором в XXIV выпуске сборника «Страны и народы Востока». К удивлению заинтересованных и заинтригованных читателей, в названном выпуске сборника «Страны и народы Востока» такой статьи Б. П. Полевого нет. Сказать, что этноним «камчадалы» связан с названием местности Камчатка, – это значит ничего не сказать: от названия местностей на северо-востоке Азии образовано множество этнонимов-названий территориальных групп, причем такая закономерность характерна для многих языков, не состоящих в родстве друг с другом.

3. Сообщение Я. Линденау о том, что коряки камчадалов называют кончалал [Kontshalal], то есть люди, которые живут на конце (!! – А. Б.), а саму Камчатку называют Кончанут [Kontschanut]. Судя по конечному –л, этноним кончалал мог быть записан Я. И. Линденау от эвенов. Форма Кончанут достаточно прозрачна и понятна – компонент –нут отождествляется с чукотско-корякским словом нутэнут «тундра», «земля», край», следовательно, первая часть такого названия – Конча- соотносится либо с названием местности, либо с названием местности, либо с какой-то ее характеристикой...» (1, с. 90-91).

Автор проанализировал повторяемость топонимов, соотносимых с географическими названиями, и пришел к выводу, что на Северо-Востоке «наиболее сходным с названием Камчатка оказывается название Канчалан, которое носят несколько объектов – река, лиман, залив и поселок на Чукотке поблизости от устья р. Анадырь. Названия Камчатка и Канчалан настолько сходны друг с другом, что при явном тождестве языковой основы – чукотский и корякский языки принадлежат к одной группе – общность языкового источника и общность происхождения названия Камчатка и названия реки, лимана, поселка Канчалан практически неоспорима. Следовательно, название

Камчатка определенно имеет чукотско-корякское происхождение» (1, с. 91-92). Характерно, что «название Канчалан объясняется самими чукчами – жителями города Анадыря из чукотского к'онтылян или к'унчычен – «один переход одна кочевка»» (1, с. 92). «Скорее всего, - пишет А. А. Бурыкин, – форма хончало, приводимая Крашенинниковым, воспроизводит корякское слово к'ончалг'о т. е. «живущие на расстояние одного перехода». По-чукотски то же самое слово должно выглядеть как к'ончалъыт, и оно, как указано выше, реально существует – это название территориальной группы канчаланских чукчей, бытующее у их соседей. Таким образом, название ительменов «камчадалы» выводится из корякского к'унчычэлг'о, к'онтылялг'о (по-чукотски те же формы должны выглядеть как к'унчельыт, к'онтыляльыт) «живущие на расстоянии одного перехода, одной кочевки», а название Камчатка – из корякской формы направительного падежа к'ончайтын' и соответствующей чукотской формы дательного-направительного падежа к'ончагты «на одну ночевку, на расстояние одного перехода»» (1, с. 92).

Исследователь приводит слова С. П. Крашенинникова о коряках, живущих на о. Карагинском: «На помянутом острове живут коряки. Которых, однако, прочие за свой род не признают, но называют из Хаамшарен, то есть собачьим отродьем...» (с. 94). «Слово Хамшарен, - по мнению автора, - является общим по значению с названием Камчатка. Его сходство со словами к'ончалг'ын – «живущий на расстоянии одной кочевки» и даже к'онча-ран «жилище, находящееся на удалении в одну ночевку» (такая форма в языке карагинских коряков вполне возможна) – очевидно» (1, с. 94-95). Этот остров расположен достаточно близко от полуострова.

А. А. Бурыкин проанализировал карту 1667 г. (общий чертеж Сибири 1667 г.) и обратил внимание на существенную деталь. На пространстве между Амуром и устьем Лены помечено название «Качатка» (при том, что непонятно значение буквы «м» сверху слова – то ли это пропущенная буква в слове «камчатка», то ли обозначение какого-либо географического объекта). Однако перед названием отсутствует буква р. – «река», которая сопровождает все другие гидронимы. Возможно, считает исследователь, что это название наносилось на карту без твердой уверенности, что оно связано с рекой, «...и уж во всяком случае, можно прямо утверждать, что тот, кто обозначил эту реку на карте, понятия не имел, где она находится» (1, с. 92-93). На момент появления русских землепроходцев между ними и местным населением существовал плотный языковой барьер. В таких условиях, полагает ученый, за название реки, мыса, горы, поселения можно было принять что угодно, в том числе и название ближайших соседей, и расстояние до соседней реки или поселения. «Становится понятной, - пишет он, - неопределенность названия «Камчатка» и его повторяемость применительно к разным объектам в конце XVII – начале XVIII вв. в документах и на картах. Именно поэтому корякское слово хончало и не было расшифровано впоследствии даже в полевых исследованиях...» (1, с. 93).

И в заключение автор исследования А. А. Бурыкин пишет «...топонимика – это не только знакомые имена. Это язык – источник знаний, со своими правилами, своей собственной лексикой, своими диалектами, и историей, и таких языков на северо-востоке Азии более десятка. Это также и русский язык в его истории от XVII в. до современности в его религиозных вариантах. Наконец, это документы, не дающие необходимой информации без предварительного филологического анализа, который требует знания языков и определенного опыта в области филологической критики текста» (1, с. 97).

Наше краткое изложение нового взгляда на происхождение названия «Камчатка» преследует цель шире ознакомить с ним общественность края, поскольку тираж книги невелик и недоступен широкому кругу читателей, а вопрос этот интересует многих жителей полуострова.

1. Бурыкин А. А. *Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона: [топонимика и этнонимика Восточной Сибири]* / А. А. Бурыкин; [тв. Ред. С. А. Мызников]. СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. 220, [4] с.
2. Полевой Б. П. *Новое об открытии Камчатки* / Б. П. Полевой. Петропавловск-Камчатский, 1997. Ч. 1.